

Археологические Вести

№5

1996–1997

ДБ

St.-PETERSBURG

1998

“КУШАНСКАЯ ПРОБЛЕМА” И АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ (1968-1993 гг.) (некоторые итоги)

Б.Я.СТАВИСКИЙ*

Двадцать восемь лет тому назад, с 27 сентября по 5 октября 1968 г., в городе Душанбе была проведена международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Организованная Институтом востоковедения Академии наук СССР и Комитетом по изучению цивилизаций Центральной Азии при Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО конференция собрала большое число участников из 17 стран Европы, Азии и Америки. На ней были заслушаны и обсуждены около 100 докладов и сообщений советских и зарубежных исследователей по широкому спектру вопросов политической, культурной и социальной истории Центральной Азии. К открытию конференции были изданы аннотированная библиография работ советских ученых по “кушанской проблеме” (Ставиский, Вайнберг, Горбунова, Новгородова 1968), тезисы докладов и сообщений советских участников конференции (Международная конференция 1968), ряд других публикаций (Асимов 1968; Гафуров 1968; Зеймаль Е. 1968; Litvinsky 1968; Stawisky, Bongard-Levin 1968), вышли в свет специальные выпуски академических журналов — “Известия Академии наук Таджикской ССР, Отделение общественных наук”, 1968, № 3 и “Общественные науки в Узбекистане”, 1968, № 8. В Душанбе была организована выставка находок из различных музейных собраний Ленинграда (ныне Санкт-Петербург), Москвы, Душанбе, Ташкента, Самарканда, Термеза, Ашхабада, Фрунзе (ныне Бишкек) (Культура 1968). Информация о конференции в Душанбе появилась в научных журналах (Алиев 1968; Вайнберг 1969; Ганковский 1969; Заславская 1969; Заславская, Шагалов 1969; Кожомбердиев 1968; Мухамеджанов 1968; Харьков 1969; Ходжаниязов 1968), ее работа широко освещалась в средствах массовой информации.

Все это не могло не вызвать интерес к почти неведомой у нас ранее “кушанской проблеме” как у широких слоев общественности, так и у

специалистов-востоковедов: историков, археологов, искусствоведов, лингвистов, нумизматов. Естественно, что конференция 1968 г., подводя итоги археологических работ, филологических, искусствоведческих и нумизматических исследований кушанской эпохи, явилась важной вехой во всестороннем, в том числе и в археологическом, изучении Средней Азии. Конференция и последовавший затем выход в свет ее трудов (Центральная Азия 1974, 1975) дали новый импульс для дальнейших исследований, в первую очередь — археологических.

Общие вопросы кушанской истории.

Значение кушанской эпохи для истории Средней Азии. Еще в 1950 г., опираясь на довоенные, весьма скромные, работы советских археологов, К.В.Тревер отметила, что именно на эту эпоху (конец I в. до н.э. — IV в. н.э.) в Средней Азии приходится “размах ирригационных работ (и в связи с этим расширение территории оазисов)”, сооружение “наиболее крупных и значительных каналов”, “общий подъем в политической и экономической жизни”, “широкое распространение грамотности и письма”, развитие торговли, культуры и искусства (Тревер 1950:120,121,123,124). Эта высокая оценка кушанской эпохи в среднеазиатской истории не претерпела какого-либо качественного изменения и после того как в 1946-1966 гг. широко развернулись полевые исследования, и в последующие четверть века, когда наша информация количественно резко возросла (Массон В. 1966; Кошеленко 1985:338 и сл.; Мандельштам, Горбунова 1992:20).

Углубление наших знаний за последние три десятилетия сказалось на суждениях о значении кушанской эпохи для последующей истории культуры и искусства Средней Азии. Если в своих докладах на конференции 1968 г. А.М.Беленицкий (Беленицкий 1975:392-394) и В.А.Нильсен (Нильсен 1975:400-402), говоря о связи искусства и архитектуры Средней Азии преарабского времени с искусством и архитектурой кушанской эпохи, могли оперировать

* Россия. Москва. 125267. Российский государственный гуманитарный университет. Миусская пл., 6.

лишь ограниченными материалами и апеллировали к общим положениям или использовали в качестве аналогий данные по Синьцзяну и Афганистану (что, однако, не помешало этим ученым сделать отдельные ценные наблюдения и верные заключения), то ныне можно более конкретно судить об использовании кушанского наследия среднеазиатским обществом в эпоху, предшествующую его исламизации, которая происходила в VIII-IX вв. (Stawiski 1979:205-207). Теперь открыты новые памятники послекушанской поры, в том числе Куёвкуртан — замок или укрепленная усадьба V в. При раскопках этого памятника была найдена пристенная глиняная скульптура, которая технологически, а во многом стилистически и сюжетно, продолжает традиции кушанской эпохи (Аннаев 1984, 1988; Культура 1991:26-30).

Исследования в Пенджикенте позволили выявить археологические комплексы V-VI вв. и открыть новые произведения монументального искусства, выполненные в манере кушанских художественных традиций, равно как и изображения буддийских и шиваитских персонажей, также связывавшие искусство раннесредневекового Согда с кушанскими традициями (Беленицкий 1973:52-54; Маршак, Распопова 1988:142,143; Skoda 1992: Taf.70:2-71). Следует упомянуть и о буддийских культовых постройках посткушанского времени, в архитектуре и монументальном убранстве которых четко отразились буддийские каноны кушанской эпохи. Этот вывод справедлив как для Мерва (IV-VI вв.) и Тохаристана (VI-VIII вв.), где архитектура буддийских сооружений восходит к строительным традициям буддийских памятников кушанской Бактрии, так и для долины реки Чу (VI-IX вв.), куда, скорее всего, буддизм пришел из Синьцзяна (Горячева, Перегудова 1994).

Северные рубежи Кушанского государства и сфера его влияния в Средней Азии. Этот вопрос является одним из ключевых для кушанской археологии Средней Азии. От его решения зависит, относить ли весь этот регион к числу объектов кушанологии или только его отдельные историко-культурные области. В дискуссии на конференции 1968 г. Д.Сиркар, указывая на отсутствие прямых свидетельств письменных источников о вхождении в состав Кушанской державы “территорий к северу от Окса”, возражал против включения их в состав этого государства (Центральная Азия 1975:412,413). Позднее он повторил эту точку зрения (Sircar 1968-1969). Другие зарубежные исследователи также исключали Среднюю Азию из числа кушанских владений (Allchin 1957; Fischer 1958). Отчасти и Е.В.Зеймаль отдал дань подобным воззрениям, обозначив, в

одной из своих статей, земли к северу от Амударьи-Окса надуманным термином “Трансоксиана” (Зеймаль Е. 1978). Текст этой статьи лег в основу написанной им главы для “Кэмбриджской истории Ирана” (Zeumal 1983:232-262).

Имеющий важное значение вопрос о северных рубежах Кушанского царства обсуждался в нашей литературе и прошел, как указывал В.М.Массон, “все стадии, от первоначальной гигантомании до настороженного скептицизма” (Массон В. 1981:38). Первая “стадия”, в частности, запечатлена в моей статье 1961 г., в которой я предположил, что в состав Кушанского государства входили Северная (правобережная) Бактрия, иначе Северный Тохаристан, как с IV в. н.э. или даже раньше стала именоваться эта область, занимавшая север Афганистана и юг Средней Азии, а также Согд, Хорезм и Чач (Шаш). Вопрос о подчинении кушанам Ферганы я оставил открытым “из-за недостатка фактических данных” (Ставиский 1961). Реакцией на эту “гигантоманию” явился, правда, не столько “осторожный скептицизм”, сколько критические утверждения, высказанные М.Е.Массоном, во-первых, о “неправильной” трактовке исследователями текста надписи сасанидского шахиншаха Шапура I о Чаче и Согде как частях Кушаншахра (Кушанской державы) и других косвенных данных об этих областях и о Хорезме той эпохи и, во-вторых, о недооценке исторической роли Кангюя (кочевое объединение на севере Средней Азии), “который покорил ряд среднеазиатских областей еще до нашей эры, а в эпоху династии Цинь (265-419), усилившись, перенес на юг в долину Кашкадарьи свою главную ставку”. Согласно утверждению М.Е.Массона, пределом кушанских (“былых тохаристанских”) владений была нижняя часть долины Кашкадарьи, севернее же и восточнее ее “располагались уже согдийско-кангюйские области” (Массон М. 1968, 1975).

В ответ на мое в значительной мере гипотетическое предположение о подчинении кушанам большей части Среднеазиатского междуречья появилось ничуть не менее гипотетичное утверждение о могущественном Кангюе, якобы объединявшим под своей властью всю центральную и северную части Средней Азии, включая Чач, Хорезм, Фергану и Согд; и тезис о северных пределах Кушанской державы по рубежу Бактрии-Тохаристана с небольшим добавлением территории в низовьях Кашкадарьи и узкой полоской владений вдоль Средней Амударьи.

В ходе многолетних дискуссий о северных границах кушанских владений исследователи высказывали самые различные мнения. Помимо двух названных выше гипотез утверждалось, что вне пределов Кушанского государства оста-

вались Фергана (Gorbunova 1986:272,273) и Хорезм (Вайнберг 1977:87-89,177-183), а Н.Н.Негматов и Е.Д.Салтовская полагали, что Уструшана (часть Согда, граничащая с Ферганой и Чачем) входила в состав этого государства (Негматов, Салтовская 1975:263,264). Э.В.Ртвеладзе, обследовав крепостную стену в горах возле Дарбанда и вполне справедливо признав ее знаменитыми “Железными Воротами”, фиксирующими рубеж между Бактрией-Тохаристаном и Согдом, счёл ее северной границей Кушанской державы, следуя, очевидно, за своим учителем М.Е.Массоном (Ртвеладзе 1986:34-39; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:56-59); в связи с этим нельзя не напомнить, что в кушанский период “длинные стены” отмечены и вокруг Самарканда, и вокруг Бухары, и в Мервском оазисе, то есть они отнюдь не обязательно (в отличие от Великой Китайской стены и римских валов) были границами великих государств. Разброс мнений о северной границе Кушанской империи объясняется недостатком фактических данных для решения рассматриваемого вопроса, что и порождает различные гипотезы и толкования. Однако некоторые достаточно твердые выводы сейчас уже можно сделать.

Теперь мы вправе считать общепризнанным, что Северная Бактрия, во всяком случае в кушанскую эпоху, не только историко-культурно, но и политически составляла единое целое с Южной (левобережной) Бактрией и входила в состав Кушанской державы. Обоснование этого заключения приводилось ранее (Ставиский 1976, 1977) и подкреплено последующими исследованиями отечественных ученых.

Сложнее решить вопрос о взаимоотношениях кушан с Хорезмом, Согдом, Ферганой и Чачем. Вряд ли сейчас можно утверждать, что эти регионы входили в состав кушанских владений. В то же время наличие в Хорезме собственного чекана, наряду с использованием кушанских медных монет, равно как и обращение в Согде местных монет различных типов, свидетельствующих о существовании в этой области нескольких отдельных княжеств и о слабом развитии здесь товарных отношений (последнее в еще большей степени относится к Фергане и Чачу) — не могут служить доводом против предположения о вассальной и, тем более, хозяйственной или культурной зависимости их от Кушанской державы. Вероятно, сейчас наиболее удачна предлагаемая В.М.Массоном трактовка “кушанского политического объединения как системы, окруженной буферными владениями, представляющими зону его преимущественного влияния” и вывод об эпохе “кушанской политической доминанты в Среднеазиатском междуречье” (Массон В. 1981:36,37). Этот исследователь, развивая свои положения,

распространяет “политическую доминанту” кушан на все Среднеазиатское междуречье, исключая из сферы их влияния лишь Хорезм (что, кстати, не очень убедительно). Более того, по его мнению, в соответствии с надписью Шапура I “распространение границ Кушаншахра до пределов Чача не столь уж невероятно”. А тот факт, что кушаны в конце I — начале II в. н.э. могли послать в оазисы нынешнего Синьцзяна семидесятитысячную армию, позволяет, как считает В.М.Массон, “полагать, что политические взаимоотношения Кушанского государства и народов Согда и Ферганы допускали по меньшей мере свободную переброску войск через Зарафшанскую и Ферганскую долины”, так как действия мощной кушанской армии в Синьцзяне “с опорой на одни лишь транспамирские коммуникации маловероятны” (Массон В. 1981:36,37).

Но даже признавая справедливость основных доводов В.М.Массона, необходимо соблюдать осторожность при решении вопросов политической истории среднеазиатских областей к северу и востоку от Бактрии-Тохаристана. К тому же эти области все еще слабо изучены. Поэтому, учитывая ограниченные размеры журнальной статьи, второй раздел данного обзора я посвящаю Бактрии-Тохаристану, точнее — северной (правобережной) части этой области.

Северная часть Бактрии-Тохаристана в кушанскую эпоху.

Рост орошаемых территорий и числа поселений, уровень урбанизации. Выше уже отмечено, что еще в 1950 г. К.В.Тревер писала о кушанской эпохе как о времени, когда в Средней Азии большого размаха достигли ирригационные работы и расширилась территория оазисов. Для северной части Бактрии-Тохаристана это замечание теперь получило вполне твердое фактическое обоснование: в результате полевых археологических исследований на юге Узбекистана и, в меньшей мере, Таджикистана стало возможно широкое картографирование и подсчет древних (и средневековых) поселений по “ирригационным районам” (оазисам), “ирригационным областям” (речным долинам или обособленным их частям), а также распределение их по хронологическим группам. При всей сложности, а отчасти и условности таких исследований (не всегда можно положиться на датировку поселений; нельзя обеспечить полный охват археологических материалов, хотя бы в силу того, что часть древних поселений была уничтожена во время войн, стихийных бедствий или земляных работ) выводы, к которым пришли ученые, достаточно выразительны.

Работы Э.В.Ртвеладзе выявили “исключительно высокий уровень антропогенного ос-

воения Северной Бактрии и особенно северо-западной ее части в кушанское время, намного превышающий уровень всех предшествовавших периодов” (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:65). Прделанное им сравнение числа ахеменидских (“VI-IV вв. до н.э.”) и кушанских (“I-III вв. н.э.”) поселений в шести “основных речных долинах Северной Бактрии” (Сурхандарьинской, Кафирниганской, Шерабадской, Вахшской, Амударьинской и Пархарской) действительно весьма показательно: количество выявленных поселений ахеменидского времени в первой долине составляет 7, кушанских — 76; во второй — соответственно 2 и 45, в третьей — 5 и 38, в четвертой — 4 и 27, в пятой — 3 и 14, в шестой ахеменидские поселения пока не известны, кушанских же открыто уже 9. Таким образом, число поселений I-III (или I-IV) вв. в Сурхандарьинской долине превосходит количество поселений ахеменидского времени почти в 11 раз, в Кафирниганской — более чем в 22 раза, в Шерабадской — более чем в 7 раз, в Вахшской — более чем в 6 раз, вдоль правого берега Амударьи — почти в 5 раз. По всей же северной части Бактрии-Тохаристана зафиксированы 21 ахеменидское и 209 кушанских поселений. Таким образом, число кушанских поселений возросло здесь почти в 10 раз по сравнению с ахеменидской эпохой (Э.В.Ртвеладзе, к сожалению, допустил ошибку при подсчете числа поселений, указав, что в сумме их было 191).

В кушанский период возросли также и площади орошаемых земель, в некоторых долинах возникли новые земледельческие оазисы. Так работами А.М.Мандельштама (Мандельштам 1964:23-25, 1966:7, 149-153; Ставиский 1977: 64, 65) установлено, что на правом берегу Нижнего Кафирнигана, в Бишкентской долине именно в кушанское время был проведен канал от источника Чильучорчашма (общей протяженностью не менее 15 км), на берегах которого возникли несколько поселений, в том числе и крупное (площадью около 2,5 га) — Хан-Газа. Кроме того установлено, что тогда же было начато возведение сети больших ирригационных сооружений: обнаружены следы канала, выведенного из Кафирнигана, и цепочка воронок от колодцев подземной цепи — кяризов, которые тянулись через водораздел (предполагалось, очевидно, перебросить в Бишкентскую долину воду из Кафирнигана); эта попытка не была доведена до конца: подземный туннель между колодцами не был пробит.

Еще более крупный земледельческий оазис возник в кушанскую эпоху на левобережье нижнего течения реки Вахш. Здесь, по данным Т.И.Зеймаль (Зеймаль Т. 1971:47; Ставиский 1977:67-70), был сооружен магистральный

канал Джуйбар с несколькими ответвлениями. Эта система позволила оросить 40 тысяч гектаров ранее не возделанных плодородных земель, на которых отмечено более полутора десятков кушанских поселений.

В 1966 году В.М.Массон, издавая обобщающую книгу о древней Средней Азии, озаглавил ее “Страна тысячи городов” (Массон В. 1966). Положение об урбанистическом характере культуры бактрийского региона разрабатывалось им и позднее (Массон В. 1973:5), не вызывая возражений со стороны других исследователей. Между тем, вывод о высоком уровне урбанизации Бактрии кушанского (возможно и греко-бактрийского) периода основывался в большей степени на тонкой интуиции, чем на скудном фактическом материале, который был тогда в распоряжении ученых, изучавших эту эпоху. Однако обобщение результатов сплошного археологического обследования территории Бактрии-Тохаристана и картографирование древних поселений дало ценные материалы и по этому вопросу. По далеко неполным данным, относящимся к середине 70-х годов, в центральной области Бактрии — долине реки Балхаб в кушанское время было не менее 13 городских поселений, в крупнейшей долине правобережья Амударьи — Сурхандарьинской — их насчитывалось не менее 10, в нижней части Вахшской долины не менее 3. Таким образом, только в этих трех долинах в кушанский период было не менее 25 городских центров; среди них были огромные городища, площадь которых достигала нескольких сотен гектаров: Балх, Термез-Тармита, Шахринауское городище в верховьях бассейна реки Сурхандарьи (Ставиский 1977:84,85). В свете этих данных понятно традиционное мнение античных авторов о Бактрии-Тохаристане как о “стране тысячи городов”.

Стратиграфические колонки и археологические комплексы, вопросы хронологии.

Одно из достижений кушанской археологии Средней Азии заключается в том, что благодаря изучению в последние десятилетия археологических материалов из раскопок северобактрийских поселений, удалось выявить стратиграфические колонки памятников Бактрии-Тохаристана. Для соседних регионов подобные стратиграфические колонки были получены еще до войны и в первые годы после нее. В этой связи следует упомянуть работы Г.В.Григорьева (1941 г.) и А.И.Тереножкина (1948 г.) в Согде, а также раскопки С.П.Голстова (1942 г.) в Хорезме. Для Северной Бактрии первым опытом работ такого рода стало создание М.М.Дьяконовым стратиграфической колонки по материалам раскопок двух поселений Нижне-Кафирниганской долины — Калаи-Мир и Кей-Кобад-Шах (Дья-

конов 1953:279-293). Иранист широкого профиля, эрудированный во многих отраслях гуманитарных знаний, М.М.Дьяконов тогда не обладал еще опытом самостоятельных археологических исследований (в 1946-1948 гг. он впервые возглавил разведывательный Кафирниганский отряд, а в 1950-1951 гг. руководил раскопками Калаи-Мир и Кей-Кобад-Шаха). Составленная им стратиграфическая таблица подражала аналогичным таблицам С.П.Толстова (Толстов 1946, 1948) и А.И.Тереножкина (Тереножкин 1950), но, основанная на весьма небольшом материале, никак не могла претендовать на столь обобщающий характер как таблицы по Согду, Чачу и особенно по Хорезму.

Весьма ограниченное значение имели и стратиграфические колонки, полученные при исследовании шурфов на городищах и небольших поселениях, например, на Халчаяне (Пугаченкова 1966:30-37). Более убедительными могли бы быть стратиграфические таблицы по городищу Яван; однако, к сожалению, должным образом они еще не опубликованы (Зеймаль Т. 1969; Литвинский 1973:14-17).

Стратиграфические колонки, обобщающие данные всех предшествующих раскопок, изданы В.М.Массоном в 1985 г. (Массон В. 1985: 255-257, 397-401, табл. СІХ-СХІІІ), первые варианты их опубликованы им еще в 1976 г. (Массон В. 1976:9-16). Введение в научный оборот результатов стратиграфических исследований поселений явилось существенным вкладом в изучение материальной культуры Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи.

С разработкой стратиграфических колонок связано выделение археологических комплексов, характеризующих как культуру кушанской эпохи в целом, так и отдельных ее фаз (или периодов) на территории северной части Бактрии-Тохаристана. В.М.Массон, обобщивший результаты работ по изучению стратиграфии кушанских поселений, выделил три таких археологических комплекса, дав им названия наиболее изученных памятников, — халчаянский, дальверзинский, зартепинский. Характеристика этих комплексов основана на всех видах находок (керамика, изделия из металла, строительные остатки и тому подобное) (Массон В. 1985:255-257, 397-401, табл. СІХ-СХІІІ). Следует, однако, заметить, что стратиграфические колонки и археологические комплексы Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи предстоит еще унифицировать. Необходимо улучшить статистическую обработку керамики, чтобы исключить субъективность в определении ее ве-

дущих форм. В публикациях должна быть полнее представлена полевая документация, чтобы доказать справедливость отнесения того или иного черепка к определенному культурному слою (и к комплексу). Пока же в изданных работах нет данных о том, какое количество черепков относится в таблице к одному типу и не случайно ли отнесена к данному слою рядовая или уникальная находка.

Составление стратиграфических колонок и выявление археологических комплексов неизбежно ставит перед исследователями вопрос об их датировке, который в нашем случае затруднен спорностью абсолютной хронологии кушан. Не касаясь проблем абсолютного датирования*, остановлюсь вкратце на чисто археологических аспектах датировки трех последовательных комплексов — халчаянского, дальверзинского и зартепинского, памятуя, конечно, что эти названия условны.

В первом комплексе найдены бронзовые монеты, подражающие чекану греко-бактрийского царя Гелиокла, и монеты так называемого Сотер Мегаса, которые выпускались, вероятно, в конце правления Кудзулы Кадфиза (Кадфиз I) (Массон М. 1950; Cribb 1993:107, 108, 133), во всяком случае до воцарения Канишки, то есть на начальном этапе кушанской истории. Относительно ранняя датировка халчаянского комплекса подтверждается еще и тем, что он стратиграфически следует непосредственно за греко-бактрийским (Массон В. 1976:9,10). Отнесение второго (дальверзинского) комплекса, во многом продолжающего традиции халчаянского, ко времени расцвета Кушанской державы не вызывает, кажется, сомнения. Последний (зартепинский) комплекс кушанской эпохи стратиграфически (и типологически) непосредственно сменяет дальверзинский. Его относительная датировка концом кушанского периода, а вернее даже — кушанско-сасанидским временем, тоже общепризнана. Вопрос стоит об абсолютной хронологии этого комплекса, причем спор идет о конце III (или IV) — V вв. Определение верхней границы зартепинского комплекса упирается в датировку времени обращения в Бактрии-Тохаристане кушано-сасанидских (и сасанидо-кушанских) монет. По материалам раскопок буддийского культового центра на холме Кара-тепе в Старом Термезе можно утверждать, что кушано-сасанидские монеты сменились там местным чеканом бронзовых монет с якоревидной тамгой скорее всего на грани IV и V вв., что подтверждают и данные, полученные на Зар-тепе (Завьялов 1990:177).

* Я, как и большинство исследователей, твердо уверен в том, что злополучную "дату Канишки" следует относить к концу I или началу II вв., во всяком случае не позднее 166 г. н.э. (Ставиский 1977:27).

Духовная культура: искусство, культы и религия, грамотность. Кушанские художественные памятники, открытые в Бактрии-Тохаристане, прежде всего знаменитые айртамские рельефы (Тревер 1940:149-158, №№ 51-61, табл. 45-49) и скульптуры Халчаяна (Пугаченкова 1966) продемонстрировали высокий уровень развития искусства этой области и сосуществование здесь различных художественных традиций. Исследования 1968-1993 гг. привели не только к открытию новых многочисленных художественных произведений и к более полной публикации найденных ранее предметов искусств (Пугаченкова 1971; Массон В. 1976:52-87), но и к углубленному изучению искусства кушанской Бактрии вообще (Пугаченкова 1978, 1979, 1984:87-112; Пугаченкова, Ремпель 1982; Ставиский 1974:77-112, 1992:44-58; Stawiski 1979:90-171, 1982:85-108, 1988:110-154). В этом искусстве отражены два художественных течения: так называемое династийное, родившееся в раннекушанское время в Бактрии, и греко- (или римско-) буддийское, сложившееся в Гандхаре. Кушанским художественным изделиям свойственна также локальная традиция, характерная именно для Бактрии-Тохаристана. Более того, в кушанском искусстве этой области четко видны элементы и мотивы культур античного (греко-римского), степного (скифо-сарматского), передневоосточного, иранского и индийского миров. Усвоив и переработав все эти веяния, искусство Бактрии-Тохаристана при кушанах представляло собой органичный сплав разных традиций и отличалось в значительной мере от искусства других областей обширной Кушанской империи и порожденного в то время “буддийского мира”.

Археологические данные, открытые по большей части за последние тридцать лет, позволяют также судить о религиях и культах Бактрии-Тохаристана кушанского времени. Теперь ясно, что именно в этот период (а не ранее, как считал, например, Б.А.Литвинский) здесь получил широкое распространение буддизм (рис. 1), который не был ни государственной, ни, тем более, — единственной религией, а сосуществовал с древнеиранскими культами авестийского круга (иногда их называют “маздеистскими”), с общегосударственным династийным культом кушанских владык, с культами предков, а также с культами “великой богини-матери” и других языческих женских и мужских божеств, с каноническим зороастризмом Ирана, с пережитками античных верований, с шиваизмом и, вероятно, с манихейством, а возможно и с христианством. Об этом свидетельствуют небуддийские культовые постройки “династийного” культа в Халчаяне (Пугаченкова 1966, 1971); роспись с изображением Шивы

в Дильберджине (Кругликова 1974:44-48), глиняные статуэтки “Бактрийской богини” (Пугаченкова, Ртвеладзе, Беляева и др. 1978:75-90), а также другие терракоты (Мешкерис 1991:57-65), отдельные эпиграфические (смотри, например, надпись брахми на Кара-тепе со словом “Махешвара” — одним из имен Шивы — Грек 1972:117) и иные находки; наконец, сведения письменных источников (Ставиский, 1977:173-209).

Благодаря эпиграфическим находкам (в основном — последних трех десятилетий) мы можем теперь лучше судить об использовавшихся в Бактрии-Тохаристане типах письменности, относящихся к кушанскому времени, о распространении грамотности среди жителей этой области, о языках, на которых они говорили. В своих работах (Ставиский 1977:210-221, 1977а:211-219) я, опираясь на исследования предшественников, в первую очередь — В.Б.Хеннинга, В.А.Лившица, Я.Харматгы, Т.В.Грек, М.И.Воробьевой-Десятовской, В.В.Вертоградовой, Х.Хумбаха, Ж.Фюссмана, попытался обобщить известные тогда данные по этим вопросам. Однако с тех пор были открыты новые надписи и появились как их публикации (Лившиц, Никитин 1990; Устинова 1990), так и новые обобщающие работы (в том числе — Стеблин-Каменский 1981:314-334; Воробьева-Десятовская 1983; Лившиц, Ртвеладзе 1985; Массон В. 1985:269,270; Фюссман 1988; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:97-101). Помимо увеличения фактического материала новые данные позволяют подтвердить отдельные старые положения, уточнить или расширить другие, по-новому трактовать третьи.

Так было подтверждено и уточнено заключение об использовании в кушанское время разных систем письма и о наличии в Бактрии групп людей, говоривших на различных языках. На раннем этапе кушанской истории в Бактрии существовало унаследованное от Греко-Бактрийского государства греческое письмо, которым, как и греческим языком, пользовались и кушанская администрация, и перешедшее, видимо, ей на службу эллинистическое (и эллинизированное) чиновничество. Об этом с давних пор свидетельствовали раннекушанские монеты, а теперь это же подтверждают и эпиграфические находки, как в южной (левобережной), так и в северной (правобережной) Бактрии (в Кампыр-тепе и в Яване). Особенно стоит уникальная греческая надпись I-II вв. н.э., открытая на скале в Кара-Камаре, на западном рубеже Южного Узбекистана. Надпись оставлена Риносом (возможно, римским подданным), скорее всего пришедшим из Парфии, как и римский воин Гай Рекс из XV Паннонского легиона, запечатлевший свой “визит”

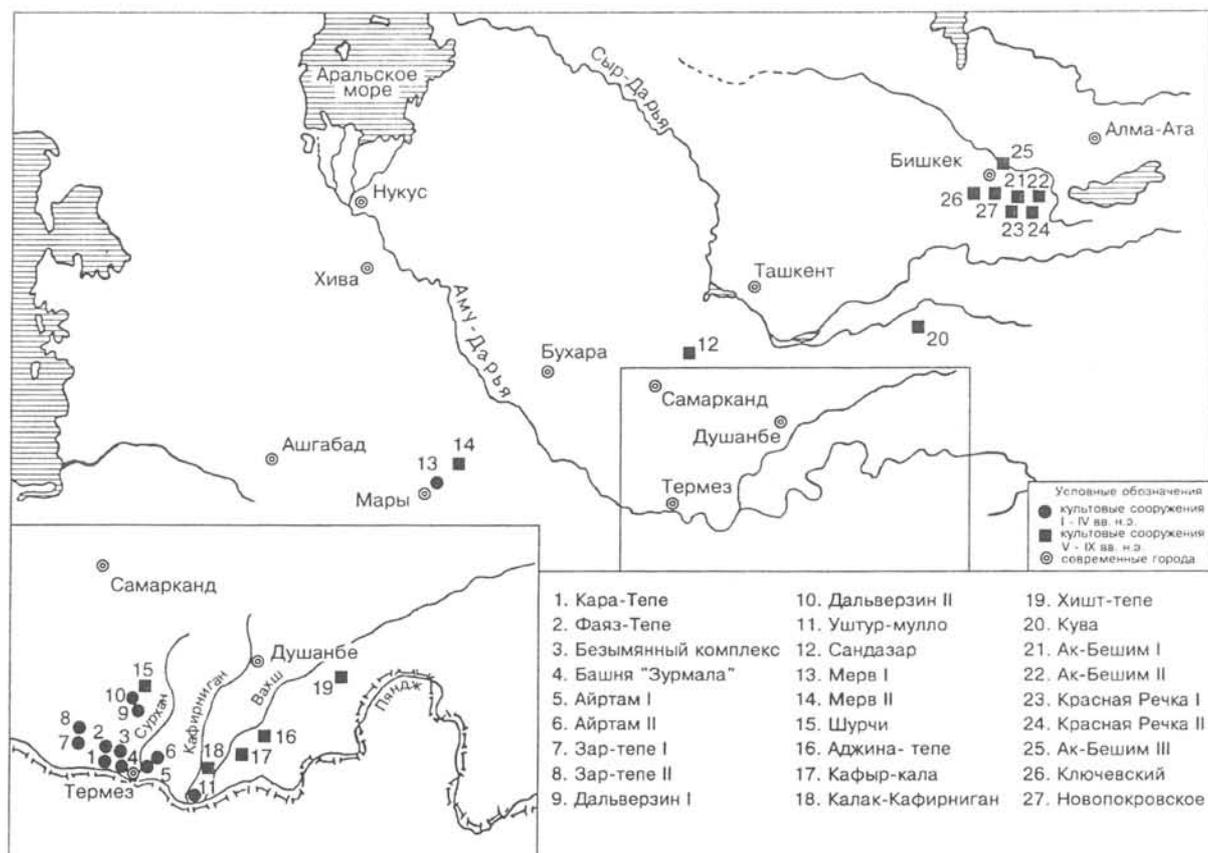

Рис. 1 Карта буддийских культовых сооружений Средней Азии.

Fig. 1 Map of the Buddhist cult monuments of Central Asia.

в культовые пещеры Кара-Камера (возможно, mitraистское святилище) латинской надписью (Ртвеладзе 1990; Устинова 1990:145-147).

В Бактрии-Тохаристане, по мнению В.А.Лившица (Лившиц 1979:95), изредка применялось также доставшееся кушанам в наследство от греко-бактрийской, если не от более ранней эпохи, "бактрийско-арамейское" письмо, то есть запись бактрийской (восточно-иранской) речи арамейской письменностью, унаследованной от ахеменидских канцелярий. В.А.Лившиц относит к числу памятников этой письменности один из документов греко-бактрийского времени из Ай-Ханум, а также две надписи кушанской эпохи из Джига-тепе в Балхском оазисе и Фаяз-тепе в Термезе. Однако, Ж.Фюссман, считает существование "бактрийско-арамейского" письма сомнительным (Фюссман 1988:46).

Со времени расцвета Кушанской державы, начиная с утверждения на ее престоле знаменитого императора Канишки I, основным письмом Бактрии-Тохаристана (и на левобережье, и на правобережье) стало "кушанское", иначе "бактрийское", или "бактрийско-греческое" (как называет его В.А.Лившиц).

Не касаясь развития этого письма от монументальности, когда каждая буква изобража-

лась отдельно, до слитного курсива, отметим лишь его широкое и повсеместное распространение. Помимо монет, оно использовалось в высеченных на камне текстах, которые, видимо, носили официальный характер, так как в них говорится о строительстве различных сооружений, например, знаменитые надписи в Сурх-Котале (Стеблин-Каменский 1981:326-328,333,334) и на Дильберджине (Лившиц, Кругликова 1979:98-112), открытые в левобережной Бактрии, а также надпись в Айртаме (Тургунов, Лившиц, Ртвеладзе 1981) в правобережной Бактрии. Это письмо использовали и в Кампыр-тепе (в 30 км западнее Термеза), — "государственной крепости" близ переправы через Амударью, где найдены остатки текста или текстов, написанных черной тушью на бересте, папирусе или пальмовых листьях (Ртвеладзе 1984:88,91,104-106), а также надписи на фрагментах керамических сосудов (нанесенные черной тушью или процарапанные по стенке сосуда до обжига) (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:97-99). "Кушанское" письмо использовалось, наряду с индийскими (смотри ниже), в прокламативных и дарственных надписях, а также в текстах, содержащих имена владельцев. Все эти эпиграфические материалы найдены при раскопках буддийских памятников кушан-

ской Тармиты (Термеза) – Кара-тепе (Ставиский 1977а:217,218 со ссылками на работы В.А.Лившица, Я.Харматты, Х.Хумбаха и других) и Фаяз-тепе (Ставиский 1977а:217). Надписи этим письмом обнаружены также на стенках керамических сосудов для хранения сыпучих продуктов в Душанбе (Лившиц 1969:60, примечание 64); на городище Тепаи-Шах в юго-западном Таджикистане (Литвинский, Седов 1983:149); на Халчаяне (Пугаченкова 1966:59,60, рис. 35, слева), на Дальверзин-тепе; на Ялангуш-тепе в Бандыханском оазисе; на Зар-тепе к западу от Термеза; на Мирзакул-тепе на окраине современного Термеза (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:97,98); на Занг-тепе в районе Термеза; на Кафыр-кала в Вахшской долине (возможно, относящиеся к раннему средневековью (Лившиц 1969:73-75, 1976:163, примечания 4,5). Позднекушанским временем и посткушанской эпохой датируются курсивные “бактрийские” надписи-граффити, прочерченные на стенах уже покинутых буддийских пещер на Каратеппе (Ставиский 1977а:218 со ссылками на работы В.А.Лившица и Я.Харматты).

На Кара-тепе, Фаяз-тепе и в подвальном помещении, сохранившимся от еще одного буддийского комплекса, который располагался на перекрытой современной свалкой части городища Старый Термез, большим числом надписей засвидетельствовано употребление в Бактрии-Тохаристане в кушанское время индийских языков и письменностей – пракрита (письмо кхароштли) и санскрита (письмо брахми). В.В.Вертоградова подготовила к изданию полную сводку таких надписей, найденных на Кара-тепе до 1992 г. (Вертоградова 1982; Воробьева-Десятовская 1983:22-49,51-63,89). Особое место занимает находка в кладе на Дальверзин-тепе десяти золотых брусков, на которых выколоты надписи на одном из пракритов (письмо кхароштли) с указаниями их веса, владельца и указания, откуда брусок получен (Воробьева-Десятовская 1976; 1983:87,88).

Еще одна письменность, впервые выявленная Ж.Фюссманом в Афганистане (“неизвестное письмо арамейского происхождения”), была обнаружена им также на одном из черепков кушанского времени из Халчаяна, куда, по мнению французского ученого, остракон, видимо, попал случайно (Фюссман 1974, 1988:49,50). Позднее за изучение этой письменности взялись В.А.Лившиц (Лившиц 1976:165,166) и В.В.Вертоградова (Вертоградова 1982а:160-167). Они отнесли к памятникам “неизвестного письма” следующие надписи: а) на серебряной чаше из кургана Иссык (юг Казахстана), который скорее всего датируется III-II вв. до н.э.; б) на остраконе из Теккуз-тепе

(Вахшская долина, Южный Таджикистан), который, возможно, относится к кушанскому времени; в) на трех фрагментах кушанского сосуда из Кара-тепе; г) на черепке несомненно кушанской эпохи из Хатын-Рабата. Надпись на каратепинском сосуде была, как будто бы, одноязычной, надпись из Хатын-Рабата – двуязычной: на внутренней стороне черепка имелись знаки письмом кхароштли (Пугаченкова 1968:32,33), на внешней – “неизвестным письмом” (впервые издана В.В.Вертоградовой). Э.В.Ртвеладзе считает, что этим письмом сделаны еще две надписи из Южного Узбекистана: а) надпись, прочерченная по сырой глине на венчике хума из Кош-тепе; б) надпись, прочерченная на части предмета из известняка (Бараттепе) (Ртвеладзе, Лившиц 1985:34). В.В.Вертоградова полагает, что в развитии этой письменности намечаются два периода: ранний (относящийся к III-II вв. до н.э.) и поздний (после рубежа н.э.). Она также считает, что эту письменность использовали для записи текстов на разных языках или диалектах, в том числе, возможно, как думают В.А.Лившиц и Э.В.Ртвеладзе, на языках “сакского” или “юечжийского” круга.

Наконец, следует упомянуть “среднеперсидское” письмо, получившее некоторое распространение в Бактрии-Тохаристане, скорее всего во время (или, может быть, сразу же после) сасанидского завоевания, то есть в кушано-сасанидское время. Это письмо представлено в надписях-граффити Кара-тепе (Луконин 1969:40-45; Ставиский 1975:8, рис. 10) и на черепках из Дальверзин-тепе (Лившиц, Никитин 1990:66-72).

Таким образом, в северной части Бактрии-Тохаристана в кушанское время засвидетельствованы семь (или восемь) различных письменностей: греческая, латынь, “кушанская” или “бактрийская”, кхароштли, брахми, так называемое “неизвестное письмо арамейского происхождения”, среднеперсидская (и, возможно, “бактрийско-арамейское письмо”).

Греческое письмо и греческий язык были довольно широко распространены в Бактрии-Тохаристане в раннекушанское время (до воцарения Канишки I и в начале его правления), а иногда и позднее, и их, в известной мере, можно признать местными. Безусловно местным было “кушанское письмо”, которым со времени Канишки I записывалась местная (восточноиранская) бактрийская речь. Для этого был приспособлен (с незначительными нововведениями) греческий алфавит.

Латынь, кхароштли, брахми и среднеперсидское письмо проникли в Бактрию-Тохаристан извне. Появление индийских письменностей (сначала кхароштли, затем брахми) очевид-

но было связано с приходом буддистов, которые использовали эти виды письма в буддийских общинах (исключение — надписи на привезенных из Индии золотых брусках, найденных в кладе на Дальверзин-тепе). Помимо легенд на кушаносасанидских монетах, среднеперсидское письмо засвидетельствовано только в связи с буддийскими памятниками (возможно, это случайное совпадение) и лишь в поздний период кушанской истории после сасанидских завоеваний конца III (?) — IV вв.

Для времени расцвета Кушанской империи можно уверенно констатировать высокий уровень грамотности среди буддистов Термеза: здесь найдено более 150 черепков с индийскими надписями, среди которых имеются двуязычные — пракритско-бактрийские и санскритскобактрийские (в Термезе, скорее всего, существовали “школы” переводчиков). После сасанидского завоевания количество грамотных людей здесь, видимо, не уменьшилось. На стенах заброшенных буддийских помещений некоторые посетители прочертили надписи (таких граффити отмечено более 20). В основном, они выполнены бактрийским курсивом и оставлены, скорее всего, жителями Тармиты (или других поселений Тохаристана), хотя здесь были обнаружены также индийские и среднеперсидские надписи. Первые, видимо, оставили паломники или купцы из Индии, вторые — сасанидские чиновники и, возможно, воины. В

одном случае зафиксирована короткая среднеперсидско-бактрийская или бактрийско-среднеперсидская билингва.

Если индийские языки знали, в основном, в буддийских общинах, то “кушанское письмо” и бактрийский язык были распространены шире. Об этом свидетельствуют приводимые выше данные о находках в Кампыр-тепе и еще на десятке других правобережных поселений, как городских (Дальверзин-тепе, Зар-тепе, Ялангуш-тепе, Душанбинское городище), так и сельских (усадебная Мирзакул-тепе, замок Занг-тепе и т.п.), причем, не только в официальной (рукописи архива в Айртаме), но и в бытовой сфере (надписи на керамике, в том числе, прочерченные до обжига).

Не ясно, в какой среде пользовались “неизвестным письмом арамейского происхождения”. Но, учитывая то, что эта письменность, как и бактрийские надписи, встречена на разных по характеру памятниках, ее распространение в Бактрии-Тохаристане следует, по всей видимости, связывать не с какой-либо религиозной общиной, а с этнической (возможно, кочевнической) группой (Ставиский 1977а:219; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990:100).

Из всего вышеизложенного следует, что исследования отечественных ученых 1968–1993 гг. и количественно, и качественно обогатили науку новыми ценными материалами для изучения “кушанской проблемы”.

Алиев, К. 1968. На Международной научной конференции ЮНЕСКО // Известия Академии наук Азербайджанской ССР 4: 136–137.

Атнаев, Т.Д. 1984. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёвкурган в Северном Тохаристане // Советская археология 2: 168–200.

1988. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент: ФАН.

Асимов, М.С. 1968. Наука Средней Азии кушанской эпохи и пути ее изучения. Душанбе (на русском, английском и персидском языках): Дониш.

Беленицкий, А.М. 1973. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. Москва: Искусство.

1975. Среднеазиатское искусство преарабского времени и его связь с кушанским // Центральная Азия в кушанскую эпоху II: 392–395. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Вайнберг, Б.И. 1969. Международная конференция ЮНЕСКО по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху // Советская этнография 2: 133–135.

1977. Монеты древнего Хорезма. Москва: Наука.

Вертоградова, В.В. 1982. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974–1977 гг. (Кара-тепе V): 134–159. Москва: Наука.

1982а. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974–1977 гг. (Кара-тепе V): 160–167. Москва: Наука.

Воробьева-Десятковская, М.И. 1976. Надписи письмом кхароштки на золотых предметах из Дальверзин-тепе // Вестник древней истории 1: 72–79.

1983. Памятники письмом кхароштки и брахми из советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии: 22–96. Москва: Наука.

Ганковский, Ю.В. 1969. История Центральной Азии в кушанскую эпоху // Вестник Академии наук СССР 1: 91–94.

Гафуров, Б.Г. 1968. Кушанская эпоха и мировая цивилизация. (Отдельно на русском и английском языках). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.

Горячева, В.Д., С.Я. Переудова. 1994. Буддийские памятники Средней Азии. I Кыргызстан // Буддийский мир: 57–73. Москва.

Грек, Т.В. 1972. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе // (Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965–1971 гг. Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. (Кара-тепе III): 114–117. Москва: Наука.

Грек, Т.В., В.А. Ливинц. 1972. Двухязычная надпись из Кара-тепе // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965–1971 гг. Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе. (Кара-тепе III): 118–121. Москва: Наука.

Дьяконов, М.М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950–1951) // Материалы и исследования по археологии СССР 37: 253–293. Москва–Ленинград: Академия наук СССР.

Завьялов, В.А. 1990. (Рецензия на: А.В. Седов. Кобадиян на пороге раннего средневековья) // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 17: 171–179. Москва: Наука.

Заславская, Ф.А. 1969. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху // Народы Азии и Африки 5: 223–227. Москва.

- Заславская, Ф. А., Е. С. Шагалов.* 1969. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе. 1968 // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук* 1: 87-91.
- Зеймаль, Е. В.* 1968. Кушанская хронология (материалы по проблеме). Москва: Наука.
1978. Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным // *Культура Востока. Древность и раннее средневековье*: 192-214. Ленинград: Аврора.
- Зеймаль, Т. И.* 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Ленинград.
1971. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // *Страны и народы Востока* 10: 37-54. Москва: Главное издательство восточной литературы.
- Колжымбердиев, И.* 1968. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху // *Известия Академии наук Киргизской ССР* 6: 94-96.
- Кошелев, Г. А.* 1985. Заключение // *Археология СССР // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*: 338-350. Москва: Наука.
- Кругликова, И. Т.* 1974. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). Москва: Наука.
- Культура.* 1991. Культура и искусство древнего Узбекистана. Книга 2. Каталог выставки (на русском и английском языках). Москва: Внешторгиздат.
- Культура.* 1968. Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Ленинград: Советский художник.
- Лившиц, В. А.* 1969. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963-1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. (Кара-тепе II): 47-81. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1975. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972-1973 гг. (Кара-тепе IV): 47-60. Москва: Наука.
1976. Надписи из Дильберджина // *Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции* 1: 163-169. Москва: Наука.
1979. Два острака из Дильберджина // *Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции* 2: 95-97. Москва: Наука.
- Лившиц, В. А., И. Т. Кругликова.* 1979. Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина // *Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции* 2: 98-112. Москва: Наука.
- Лившиц, В. А., А. Б. Никитин.* 1990. Ранний пехлевийский острак из буддийского храма в Дальверзин-тепе // *Вестник древней истории* 4: 66-72.
- Литвинский, Б. А.* 1973. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (некоторые итоги и проблемы) // *Археологические работы в Таджикистане* X: 5-41. Москва: Наука, Главное издательство восточной литературы.
- Литвинский, Б. А., А. В. Седов.* 1983. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. Москва: Наука.
- Луконич, В. Г.* 1969. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1963-1964 гг. Надписи, терракоты, каменные рельефы. (Кара-тепе II): 40-46. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Мандельштам, А. М.* 1964. К истории Бактрии-Тохаристана // *Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР* 98: 23-25. Москва.
1966. Кочевники на пути в Индию // *Материалы и исследования по археологии СССР* 136. Москва-Ленинград: Наука (Ленинградское отделение).
- Мандельштам, А. М., Н. Г. Горбунова.* 1992. Общие сведения о ранних кочевниках Средней Азии и их группировках // *Археология СССР // Степная полоса Азиатской части СССР в скифосарматское время*: 13-21. Москва: Наука.
- Маришак, Б. И., В. И. Распопова.* 1988. Новые открытия в Пенджикенте // *Наука и жизнь* 2: 138-145.
- Массон, В. М.* 1966. Страна тысячи городов. Москва: Наука.
1973. Процесс урбанизации в древней Средней Азии // *Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов и заседаний на конференции, посвященной полевым исследованиям в области археологии*: 3-6. Ленинград.
1976. Кушанские поселения и кушанская археология // *Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана*: 3-17. Ленинград: Наука (Ленинградское отделение).
1981. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (вопросы периодизации и хронологии) // *Общественные науки в Узбекистане* 4: 30-38.
1985. Северная Бактрия // *Археология СССР // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*: 250-272. Москва: Наука.
- Массон, М. Е.* 1950. Происхождение безымянного "царя царей - великого спасителя" // *Труды Среднеазиатского государственного университета, новая серия, выпуск XI, гуманитарные науки* 3: 11-49. Ташкент.
1968. К вопросу о северных границах государства "Великих кушан" // *Общественные науки в Узбекистане* 8: 14-25. Ташкент.
1975. К вопросу о северных границах государства "Великих кушан" // *Центральная Азия в кушанскую эпоху II*: 42-49. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1976. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент: Издательство литературы и искусства.
- Международная конференция.* 1968. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых. Москва: Наука.
- Мешкерис, В. А.* 1991. Опыт периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана // *Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР* 204: 57-65.
- Мухамеджанов, А. Р.* 1968. Международная конференция по кушанской проблеме в Душанбе // *Общественные науки в Узбекистане* 11: 72-74.
- Нильсен, В. А.* 1975. Кушанское наследие в ранне-средневековой архитектуре Средней Азии // *Центральная Азия в кушанскую эпоху II*: 400-403. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Пугаченкова, Г. А.* 1966. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент: ФАН.
1968. К изучению памятников Северной Бактрии // *Общественные науки в Узбекистане* 8: 26-37.
1971. Скульптура Халчаяна. Москва: Искусство.
1978. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Ленинград: Аврора.
1979. Искусство Бактрии эпохи кушан. Москва: Искусство.
1984. Позднеантичная живопись Бактрии-Тохаристана // *Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство*: 87-112. Ташкент: Издательство литературы и искусства.
- Пугаченкова, Г. А., Л. И. Ремпель.* 1982. Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. Москва: Искусство.
- Пугаченкова, Г. А., Э. В. Ртвеладзе.* 1990. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент: ФАН.
- Пугаченкова, Г. А., Э. В. Ртвеладзе, Т. В. Беляева и др.* 1978. Дальверзин-тепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: ФАН.
- Ртвеладзе, Э. В.* 1984. Кушанская крепость Кампыр-тепе // *Вестник древней истории* 2: 87-106.
1986. Стена Дарбанда Бактрийского // *Общественные науки в Узбекистане* 12: 34-39.
1990. Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции в Северной Бактрии-Тохаристане // *Вестник древней истории* 4: 135-145.
- Ртвеладзе, Э. В., В. А. Лившиц.* 1985. Памятники древней письменности. Общество охраны памятников истории культуры Узбекистана. Ташкент: Узбекистан.

- Станиский, Б. Я. 1961. О северных границах Кушанского государства // Вестник древней истории 1: 108-114.
1974. Искусство Средней Азии. Древний период. VI в. до н.э. – VIII в. н.э. Москва: Искусство.
1975. От редактора // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972-1973 гг. (Кара-тепе IV): 5-9. Москва: Наука.
1976. О северных рубежах кушанской Бактрии // История и культура Средней Азии (древность и средние века): 43-46. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1977. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- 1977а. Языки и письменности кушанской Бактрии в свете данных археологии и нумизматики // Acta Antiqua XXV (1-4): 211-219. Budapest.
1992. Введение в историю культуры и искусства Средней Азии // Курс лекций. Российский открытый университет. Исторический колледж. Москва.
- Станиский, Б. Я., Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова. 1968. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема: Аннотированная библиография I-II. Москва: Наука.
- Стеблин-Каменский, И. М. 1981. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки: 314-346. Москва: Наука.
- Терезовский, А. И. 1950. Согд и Чач // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР 33: 152-169. Москва.
- Толстов, С. П. 1946. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР 23: 143-150. Москва-Ленинград.
1948. Древний Хорезм. Москва: Московский государственный университет.
- Тревер, К. В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. Москва-Ленинград: Академия наук СССР.
1950. Кушанское царство (I-IV вв.) // История народов Узбекистана 1: 117-124. Ташкент: Академия наук Узбекской ССР.
- Тургунов, Б. А., В. А. Лившиц, Э. В. Ртвеладзе. 1981. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме // Общественные науки в Узбекистане 3: 38-48. Ташкент.
- Устинова, Ю. Б. 1990. Наскальные латинские и греческая надписи из Кара-Камара // Вестник древней истории 4: 145-147.
- Фоссман, Ж. 1988. Язык и культура при кушанах // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень 15: 45-52. Москва: Наука.
- Харьков, Л. Н. 1969. Международная конференция по кушановедению // Вопросы истории 5: 184-189.
- Ходжапиев, Т. 1968. Международный форум ученых // Памятники Туркменистана 2: 32.
- Центральная Азия. 1974. Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху I. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
1975. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху II. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Allchin, F. R. 1957. The Cultural Sequence of Bactria // Antiquity 30 (123): 131-141. London.
- Cribb, Joe. 1993. The "Heraus" coins: their attribution to the Kushan king Kujula Kadphises, c. AD 30-80 // Essays in honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins: 107-134. London.
- Fischer, K. 1958. Sculpture from Kunduz and environs // Artibus Asiae 21 (3-4): 231-253.
- Fussman, D. 1974. Documents epigraphiques Kouchans // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient 61: 1-66. Paris.
- Gorbulnova, N. G. 1986. The Culture of ancient Ferghana VI century B.C. – VI century A.D. // British Archaeological Reports. International Series 281. Oxford.
- Litvinsky, B. A. 1968. Outline History of Buddhism in Central Asia // International Conference on the History, Archaeology and Culture in the Kushan Period. Dushanbe. 1968. Moscow: Nauka.
- Sircar, D. 1968-1969. Problems of Kushan and Rajput History // Journal of Indian Historical Society 2. Calcutta.
- Skoda, V. 1992. Ein Siva-Heiligtum in Pendzikent // Archaeologische Mitteilungen aus Iran 25: 319-327.
- Stawiski, B. 1979. Kunst der Kuschan: Mittelasien. Leipzig: Seemann.
1982. Die Völker Mittelasien in Lichte ihrer Kunstdenkmäler: Archäol. Reise durch die Geschichte Alt-Mittelasien (vom Paläolithikum bis zur islamischen Eroberung). Bonn: Keil Verlag.
1988. Sztuka Azji Srodkowej. Warszawa.
- Stawisky, B. J., G. M. Bongard-Levin. 1968. Central Asia in the Kushan period (Archaeological studies by Soviet scholars). Moscow: Nauka.
- Zeymal, E. V. 1983. The political History of Transoxiana // The Cambridge History of Iran 3(1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods: 232-262. Cambridge: Cambridge University Press.

THE KUSHANIAN PROBLEM AND THE ARCHAEOLOGY OF CENTRAL ASIA, 1968-93: Some Results

More than a quarter of a century ago, from September 27 to October 5, 1968, an international conference on the history, archaeology, and culture of Central Asia during the Kushanian Period was held in Dushanbe. The event itself and the subsequent publication of its proceedings (Central Asia in the Age of the Kushans, 1974, 1975) gave a strong impetus to further studies, archaeological ones in particular.

General issues in Kushanian history.

Significance of the Kushanian period for the history of Central Asia. New information gained over the recent three decades has modified many views concerning the impact of the Kushanian Age on the subsequent history of Central Asian culture and art. New post-Kushanian sites have been discovered, including Kuyevkurgan, a 5th century castle or fortified estate. Its excavations have revealed a submu-

ral clay sculpture which, in terms of technology and, to a large extent, style and imagery, continues the Kushanian traditions (Annayev 1984, 1988; Culture and Art of Ancient Uzbekistan 1991:26-30).

Excavations at Penjikent have disclosed 5th and 6th century archaeological assemblages containing new works of monumental art performed in the Kushanian manner, as well as representations of Buddhist and Sivaite characters also linking the early medieval Sogdian art with Kushanian traditions (Belenitsky 1973:52-54; Marshak, Raspopova 1988:142,143; Skoda 1992, tab.70:2-71). Also, the architecture and monumental decoration of some ritual structures of the post-Kushanian period apparently reflect Buddhist canons of the Kushanian age. This applies both to 4th - 6th century Mervia and 6th - 8th century Tokharistan, whose Buddhist architecture derives from the Buddhist tradition of Kushanian Bactria, and to the period of AD 400-900 in the Chu River valley, an area where Buddhism was apparently introduced from Sinkiang (Goryacheva, Peregudova 1994).

Northern boundaries of the Kushanian state and its sphere of influence in Central Asia.

This is one of the key issues in the Kushanian archaeology. In his talk at the 1968 conference, D. Sirkar noted that available written sources contain no direct evidence suggesting that areas north of the Oxus had ever belonged to the Kushanian empire (Central Asia in the Kushanian Period 1975:412,413). Allchin (1957) and Fischer (1958) also believed that Central Asia was not a Kushanian province. Seymal (1978) apparently subscribed to that view when he used an artificial term "Transoxiana" to denote territories north of the Oxus.

In 1961, I suggested that the Kushanian state included northern (right-bank) Bactria, or northern Tokharistan (the name has been used with reference to northern Afghanistan and southern Central Asia since at least AD 300), as well as Sogd, Khorezm, and Chach (Shash). In my view, the question of whether or not Ferghana belonged to the Kushanians, could not be resolved because the evidence was insufficient (Stavisky 1961). M. Masson, however, believed that the Kushanian state (formerly Tokharistan) reached only as far north and east as the lower Kashka-Darya valley. Areas to the north and to the east of it allegedly belonged to Sogd and Kangyuy (M.Masson 1968, 1975). My idea that most of the Central Asian Interfluve was under the Kushanian rule was thus countered by a no less hypothetical statement concerning the powerful Kangyuy whose rule was thought to extend to the entire central and northern Central Asia including Chach, Khorezm, Ferghana, and Sogd. M.Masson claimed that the Kushanian state did not reach further north than Bactria- Tokharistan, only the lower Kashka-Darya area and a narrow

strip along the middle Amu-Darya valley being included.

Apart from these two hypotheses, it was claimed that the Kushanian state did not include Ferghana (Gorbunova 1986:272,273) or Khorezm (Weinberg 1977:87-89,177-183). Negmatov and Saltovskaya (1975:263,264) maintained that Ustrushana (part of Sogd bordering on Ferghana and Chach) was controlled by the Kushanians. Rtveladze (1986:34-39), who surveyed a defence wall in the highlands near Darband and correctly identified it with the famous "Iron Gates" on the border between Bactria-Tokharistan and Sogd, believed that it had marked the northern border of the Kushanian state (see also Pugachenkova, Rtveladze 1990:56-59). However, because "long walls" of that period had been registered around cities like Samarkand and Bokhara, and in the Mervian oasis, they did not necessarily mark the borders of great states (unlike the Great China Wall or the Roman walls).

Doubtless, at least during the Kushanian period, northern Bactria together with southern (left-bank) Bactria was part of the Kushanian state not only culturally but also politically (Stavisky 1976, 1977).

The same may hardly apply to Khorezm, Sogd, Ferghana, or Chach. Their relationships with the Kushanians are more difficult to assess. However, the fact that Khorezm had its own coinage while the Sogdians used various types of coins should not be taken to disprove the idea that these territories were politically or at least economically and/or culturally dependent on the Kushanians. V.Masson's view regarding the Kushanian empire as a system surrounded by buffer dependencies and his idea that the Kushanians extended their control over the Central Asiatic interfluve (V.Masson 1981:36,37) appear to be the most correct ones. V. Masson believes that the Kushanians controlled the entire region between Amu-Darya and Syr-Darya except Khorezm, and that according to the inscription of Shapur I, their rule might have reached as far as Chach. He also thinks that the political ties of the Kushanians with Sogd and Ferghana must have been strong enough to enable a free transfer of Kushanian troops across the Zarafshan and Ferghana valleys (V.Masson 1981:36,37).

But even if these views are correct, the political history of the territories north and east of Bactria-Tokharistan is still far from being well understood.

Northern Bactria-Tokharistan in the Kushanian period.

Growth of irrigated territories, increase in the number of sites, urbanization level.

Rtveladze's studies have revealed an exceptionally intense settlement of Northern Bactria and especially its northwestern part during the Kushanian era, far above anything observed during the preceding periods (Pugachenkova, Rtveladze 1990:65).

His comparison of the number of Achaemenian (600-300 BC) and Kushanian (AD 0-300) sites in the six principal river valleys of northern Bactria is illustrative indeed: 7 against 76 in Surkhan-Darya, 2 against 45 in Kafirnighan, 5 against 38 in Shera-bad, 4 against 27 in Vakhsh, 3 against 14 in Amu-Darya, and none against 9 in Parkhar. The total number of Achaemenian sites in northern Bactria-Tokharistan is 21 against 209 Kushanian ones, a ten-fold increase.

The surface area of irrigated land, too, had increased in the Kushanian period, and new agricultural oases had emerged in some valleys. According to Mandelstam (1964:23-25; 1966:7,149-153; see also Stavisky 1977:64,65), a channel at least 15 km long was built in the right-bank Bishkent valley, and several villages were founded on its banks, the largest one (2.5 ha in surface area) being Khan-Gaza. In the same period, several large irrigation constructions were built. Specifically, traces of a channel from the Kafirnighan and pits remaining from a line of wells running across the watershed were discovered. It was apparently planned to transfer water from the Kafirnighan to the Bishkent valley, but the attempt failed, and the underground channel connecting the wells had not been constructed.

An even larger agricultural oasis emerged in the left-bank part of the lower Vakhsh valley. According to Seymal (1971:47; Stavisky 1977:67-70), a channel with several branches was built there. The system had made it possible to irrigate 40,000 ha of fertile land which was previously uncultivated. More than a dozen Kushanian sites have been discovered in the area.

According to very incomplete data of the mid-70s, at least 13 urban settlements existed during the Kushanian period in the Balkhab valley, Central Bactria, no less than ten in the Surkhan-Darya valley, and at least three in the lower Vakhsh valley. The total number of urban centres in these three valleys, then, was no less than 25. They included huge fortified settlements, the surface area of each being several hundred hectares: Balkh, Termez-Tarmita, and Shakhrinaus in the upper Surkhan-Darya valley (Stavisky 1977:84,85).

Archaeological sequences and associations. Chronology.

One of the major achievements of Kushanian studies was that stratigraphical sequences were established for Bactria-Tokharistan (V.Masson 1985:255-257, 397-401, tab.CIX-CXIII). Also, associations characterizing the Kushanian period as a whole and its separate stages were described. According to V.Masson's scheme, there are three such associations: Khalchayan, Dalverzin, and Zar-Tepe. His descriptions are based on all sorts of artifacts: pottery, metal, construction debris, etc. (V. Masson 1985:255-257, 397-401, tab.CIX-CXIII).

The dating of these associations is a disputed issue. I, like most scholars, am convinced that the notorious "Kanishka date" should be set at late 1st or early 2nd century AD, but no later than AD 166 (Stavisky 1977:27). The Khalchayan association contains bronze coins imitating those of the Greco-Bactrian king Heliocles, and coins of so-called Soter Megas, minted apparently in the end of Kudzula Kadfiz's (Kadfiz's I) rule (M.Masson 1950; Cribb 1993:107,108,133), at any rate before Kanishka's accession, that is, at the initial stage of Kushanian history. The early date of Khalchayan is also supported by the fact that stratigraphically it immediately postdates the Greco-Bactrian association (V.Masson 1976:9,10).

There is little doubt that the second, Dalverzin, association, which in many respects follows the Khalchayan tradition, coincides with the peak of the Kushanian state. The latest association, Zar-Tepe, succeeds Dalverzin both stratigraphically and typologically. According to the commonly accepted view, it coincides with the final stage of the Kushanian period or even with the Kushano-Sasanian times. There is disagreement, however, with respect to the absolute chronology of Zar-Tepe. While some scholars date it to the late 3d or 4th century, others believe 5th century to be a more likely estimate. The assessment of the upper border of Zar-Tepe depends on when Kushano-Sasanian and Sasano-Kushanian coins circulated in Bactria-Tokharistan. As the evidence from the Buddhist ritual centre on Kara-Tepe hill, Old Termez, suggests, these coins were succeeded by local ones with an anchor-shaped tamga around AD 400, and this date is upheld by data from Zar-Tepe (Zavyalov 1990:177).

Ideology: art, cults and religion, literacy.

Kushanian art represents a mixture of several tendencies. One is the so-called dynastic tendency which emerged in Bactria in the early Kushanian period. Another one, which may be described as Greco-Buddhist, or Romano-Buddhist, originated in Gandhara. Also, a local, Bactrian (Tokharistanian) tradition is present. Apart from these, elements and motifs characteristic of Classical (Greco-Roman), steppe (Scytho-Sarmatian), Near Eastern, Iranian, and Indian art are clearly recognizable. Having absorbed and transformed all these, the Kushanian art of Bactria-Tokharistan became a highly peculiar blend differing from anything seen in other provinces of the Kushanian empire or the Buddhist world in general.

Important new evidence has been gained over the last three decades concerning religion and cults. It has become evident that it was only during the Kushanian period that Buddhism had spread over the region (fig.1). It was neither the only nor even the official religion; rather, it coexisted with old Avestian-type Iranian cults, sometimes referred to as

Mazdaist, as well as with the official dynastic cult of Kushanian rulers, with the ancestor cults, and with cults of the Great Mother Goddess and those of other female and male deities, with canonical Iranian Zoroastrianism, with survivals of Greco-Roman beliefs, with Sivaism, probably with Manichaeism, and possibly with Christianity. This is evidenced by non-Buddhist ritual constructions related to the "dynastic" cult in Khalchayan (Pugachenkova 1966, 1971), by a wall painting representing Siva in Dilberjin (Kruglikova 1974:44-48), by clay figurines of the "Bactrian goddess" (Pugachenkova, Rtveladze, Belyaeva et al. 1978:75-90), as well by as other terracottas (Meshkeris 1991:57-65), by certain inscriptions, including the Brahmi inscriptions from Kara-Tepe with the word "Mahesvara", one of Siva's names (Grek 1972:117), and finally by written sources (Stavisky 1977:173-209).

Thanks to the inscriptions discovered mostly during the last three decades, more information has been gained concerning the types of script used in Bactria-Tokharistan in the Kushanian times. At the early Kushanian stage, a Greek script inherited from the Greco-Bactrian state existed which, like the Greek language, was used by the Kushanian administration and probably by the Hellenistic (or Hellenized) officials in the Kushanian service. This is evidenced by early Kushanian coins and by recently discovered inscriptions both from the southern (left-bank) and the northern (right-bank) Bactria (Kampyr-Tepe and Yavan). A 1st - 2nd century AD inscription on a rock in Kara-Kamar, southwestern Uzbekistan, is quite unique. It was left by a certain Rhinos, evidently a Roman subject who had come from Parthia, like the Roman warrior named Gaius Rex of the XV Pannonian Legion who had marked his visit to the ritual caves of Kara-Kamar, possibly a Mitraist sanctuary, by making an inscription in Latin (Rtveladze 1990; Ustinova 1990:145-147).

According to Livshits (1979:95), another script occasionally used by the Kushanians was the Bactro-Aramean script. Aramean, inherited from the Achaemenian official tradition, was used to transcribe Bactrian (Eastern Iranian) speech. Livshits believes that one of the Greco-Bactrian documents from Ay-Khanum and two Kushanian inscriptions from Jiga-Tepe, the Balkh oasis, and Fayaz-Tepe, Termez, were written in Bactro-Aramean. The idea, however, is questioned by Fussman (1988:46).

After the Kushanian empire had attained its heyday (marked by the famous Kanishka's accession to the throne), the Kushanian script, also called Bactrian, or Bactro-Greek, using Livshits's term, became the principal script of Bactria-Tokharistan, both left-bank and right-bank. Apart from coins, it was used in inscriptions carved on stone, probably official ones, reporting on constructive

works, like the well-known inscriptions in Surkh-Kotal (Steblin-Kamensky 1981:326-328,333,334) and Dilberjin on the left bank (Livshits, Kruglikova 1979:98-112) or the Ayrtam inscription on the right bank (Turgunov, Livshits, Rtveladze 1981). The same script was used in Kampyr-Tepe, 30 km west of Termez, where remains of a text (or several texts) written in Indian ink on birch bark, papyrus, or palm leaves were found (Rtveladze 1984:88,91,104-106) as well as inscriptions on potsherds written in Indian ink or scratched on clay before firing (Pugachenkova, Rtveladze 1990:97-99).

The "Kushanian" script, along with Indian ones (see below) was used in proclamative and donative inscriptions and in texts containing owners' names. All these were found during the excavations of the Buddhist sites of Kara-Tepe, formerly Kushanian Tarmita (Termez), and Fayaz-Tepe (Stavisky 1977a:217,218). Examples of this script are also present on clay vessels for storing grain which were found in Dushanbe (Livshits 1969:60, note 64), as well as on vessels from Tepai-Shakh, southwestern Tajikistan (Litvinsky, Sedov 1983:149), Khalchayan (Pugachenkova 1966:59,60, fig.35, left), Dalverzin-Tepe, Yalangush-Tepe in Bandykhan oasis, Zar-Tepe west of Termez, Mirzakul-Tepe in the fringes of modern Termez (Pugachenkova, Rtveladze 1990:97,98), Zang-Tepe near Termez, and Kafyr-Kala in the Vakhsh valley (the latter ones are possibly early medieval, see Livshits 1969:73-75, 1976:163, notes 4,5). Italic Bactrian graffiti scratched on the walls of the already abandoned Buddhist caves in Kara-Tepe were apparently made in the late Kushanian or post-Kushanian period (see Stavisky 1977a:218, where references to works by Livshits and Harmatta are given).

In Kara-Tepe, Fayaz-Tepe, and in the basement of one more Buddhist construction situated in Old Termez, on the territory now occupied by a dump, many inscriptions made in Indian scripts, Prakrit (Kharosthi) and Sanskrit (Brahmi) were found (Vorobyova-Desyatovskaya 1983:22-49,51-63,89). An especially important discovery was made in Dalverzin-Tepe: a hoard containing ten golden bars with punched inscriptions in Kharosthi stating their weight, owner, and place from where they were received (Vorobyova-Desyatovskaya 1976, 1983:87,88).

Another script, discovered by Fussman in Afghanistan, one which he described as an unknown script of Aramean origin, was also found by him on a Kushanian potsherd from Khalchayan (Fussman 1974, 1988:49,50). The following inscriptions are referred to by Livshits (1976:165,166) and Vertogradova (1982a:160-167) as examples of an unknown script: (a) on a silver bowl from Issyk burial mound, southern Kazakhstan, most likely 3d or 2nd century BC; (b) on an ostrakon from Tekkuz-Tepa, the Vakhsh valley, southern Tajikistan, possibly

Kushanian; (c) on three fragments of a Kushanian vessel from Kara-Tepe; (d) on a fragment of a definitely Kushanian vessel from Khatyn-Rabat. While the Kara-Tepe inscription is evidently monolingual, that from Khatyn-Rabat was bilingual since several Kharosthi letters are present on the inner surface of the fragment (Pugachenkova 1968:32,33) and several signs made in an allegedly unknown script on the outer side (first published by Vertogradova).

Rtveladze believes that two more examples of this script are known from southern Uzbekistan: (a) an inscription scratched before baking on the mouth of a khum found in Kosh-Tepe; and (b) an inscription carved on a fragment of a limestone artifact from Barat-Tepe (Rtveladze, Livshits 1985:34). According to Vertogradova, two periods can be traced in the development of this script: the early one (3d and 2nd centuries BC) and the late one (first centuries AD). She also believes that the script was used for recording texts in various languages or dialects, including the Saka or the Yuechi (according to Livshits and Rtveladze). The last one to be mentioned is the "Middle Persian" script, used in some parts of Bactria-Tokharistan during, or immediately after, the Sasanian conquest, that is, in the Kushano-Sasanian period. It is represented by the Kara-Tepe graffiti (Lukonin 1969:40-45; Stavisky 1975:8, fig.10) and by the Dalverzin potsherds (Livshits, Nikitin 1990:66-72).

Seven or eight scripts, then, are known to have been used in Bactria-Tokharistan in the Kushanian

times: Greek, Latin, "Kushanian" (or "Bactrian"), Kharosthi, Brahmi, so-called "unknown script of Aramean origin", Middle Persian, and possibly "Bactro-Aramean". The Greek script and the Greek language were widely distributed in Bactria-Tokharistan before Kanishka's accession, in the early years of his rule, and maybe even later. The "Kushanian" script that had been used for recording local Eastern Iranian speech since Kanishka's times was doubtless autochthonous. Latin, Kharosthi, Brahmi, and Middle Persian were introduced from outside.

In Kanishka's times, the level of literacy among the Buddhists of Termez was high, since more than 150 potsherds with Indian inscriptions were found there, including bilingual ones, Pracrito-Bactrian and Sanscrito-Bactrian (likely attesting to the existence of translators' schools in Termez). After the Sasanian conquest, the proportion of literate persons must have remained the same. Some people who visited the abandoned Buddhist constructions at that time made graffiti on their walls (over twenty have been discovered). Most of them, written in Bactrian italics, were probably left by residents of Tarmita or other Tokharistanian localities, although some Indian and Middle Persian inscriptions are present as well. The former ones might have been made by Indian worshippers or tradesmen, the latter ones by Sasanian officials and possibly warriors.

Overall, studies done over the three recent decades have greatly enhanced our knowledge of Kushanian history.